

Chinglish

Даже и не помню, кто нам порекомендовал Лялю. Мы уезжали на год в академический отпуск в Америку, дочке срочно нужно было подтянуть английский, и мы искали учителя. Ляле было хорошо за шестьдесят, волосы она не красила и не злоупотребляла посещением парикмахерской. Обращали на себя внимание только яркие тёмные глаза, не выцветшие, несмотря на возраст. Ляля родилась в Китае, в Харбине, где и училась в школе. Потом вместе с родителями приехала в Израиль. Так как её мать была из России, а отец - из Англии, у неё было два родных языка: русский и английский. Её русский, заскорузлый от неупотребления, представлял собой нагромождение каких-то малоупотребляемых идеоматических оборотов, сочетаемых Лялей в случайном порядке. Когда мы устали от "танцев от печки", появлявшихся в одном предложении с "бузиной в огороде", мы исключили русский язык в качестве возможного средства общения из нашего обихода. Лялин же английский был бесподобен. Он чем-то напоминал рубенсовских женщин - роскошные формы, каких почти и не встретишь в наши дни, были представлены в изобилии, но не раздражали, а вызывали досаду на неверно выбранный век, в котором пришлось родиться. - "В Китае все прекрасно говорят на английском. У нас в Харбине все китайцы говорили на английском,"- утверждала Ляля. Меня Ляля не любила за рационализм и за то, что я как-то с теплотой отозвался о Филиппе Роте, за что был тут же зачислен в антисемиты, без права на помилование. К Спутнице же она была тепла, часто задерживалась после уроков поболтать за чаем. Торопиться ей было некуда, жила она одна и семьи у неё не было.

Основными увлечениями Ляли были астрология и паранормальные явления. Спутница, под предлогом углублённого изучения разговорного варианта языка Шекспира, выслушивала подробные описания разных необыкновенных событий, и даже несколько раз была награждена за покорность книжкой из серии "Мурашки", выдаваемой Лялей за документальную прозу. Особую слабость Ляля питала к привидениям. В её рассказах привидения были необычайно деятельными, появлялись перед родственниками и знакомыми в самые неподходящие для тех моменты, что-то им сообщали, и растворялись. Главным же занятием привидений было проявиться на каком-нибудь фотоснимке, снятом через несколько лет после смерти. Они этим даже, на мой взгляд, несколько злоупотребляли, манкируя другими возможностями поизголяться над живыми.

Ляля была заядлой курильщицей. Ей это прощалось, так как результаты её занятий очень быстро превзошли все наши ожидания. Если бы я не знал, что "Беломор" в Израиле не продаётся, я бы сказал, что она курила папиросы, но врать не буду, не помню, что-то вонючее - это точно. Как-то я попытался что-то сказать про астрологию, Ляля пришла в сильное волнение, говорить спокойно не могла, и вместо этого зашлась долгим кашлем. И хотя я уже впоследствии помалкивал, приступы кашля со временем становились всё длительней. Однажды она не пришла на занятие, чего раньше с ней не случалось, её телефон не отвечал, а через несколько дней позвонили приятели, у которых она тоже учила чадо, и сообщили, что Ляля умерла от

рака лёгких. Хоронили её мамы детей, которых она учила. Друзей и близких она не завела.

Через десять лет, в нескончаемой погоне за адреналином, мы оказались на Олимпийских Играх в Пекине. "Никаких проблем," - говорил я Спутнице. "Ещё Ляля сказала, что все китайцы говорят на английском." Действительность разительно отличалась от описанного Лялей. Оказалось, что все до одного Лялины китайцы, не выдержав суровых законов эволюционного отбора, вымерли, а выжившие не только не говорят, но и не различают звуки нашей речи. Для их нетренированного уха, произнесение английских слов и хрюканье передают одинаковое количество информации - а именно нулевое. Жесты тоже не помогают. В общении между собой китайцы пользуются разными интонациями. Одно и то же слово может, в зависимости от выбора одной из четырёх возможных интонаций, обозначать совершенно разное. В качестве примера обычно приводят слово "ма", которое означает всё, что угодно, от естественного "мама" и до неестественного "лошадь". Так как интонация используется для передачи смысла, на эмоции выразительных средств не остаётся, лицо остаётся неподвижным, и понять, радуется китаец или горюет не представляется возможным.

Я, тем не менее, не отчаивался. Каждый день, перед тем, как куда-нибудь ехать, я честно выучивал название этого места на китайском. Садясь на переднее место в такси, я каждый раз представлял себя Джекки Чаном, для чего напрягал мышцы, находящиеся за ушами, пытаясь оттянуть их (уши) в направлении затылка. После этого, растягивая рот до ушедших назад ушей, я в максимально доступной мне непринуждённой китайской манере, отчётливо произносил название. Далее всегда происходило одно и то же. Ближневосточный последователь Лао Цзы встречался глазами с растерянным, вплоть до желания выпрыгнуть из машины, водителем. Всем своим видом таксист демонстрировал покорность силам природы, которые невозможно ни понять, ни объяснить, и впадал в ступор. Только карточка, выдаваемая в гостинице, на которой названия наиболее популярных туристических мест были написаны рядом на английском и иероглифами, возвращала таксиста к жизни и делала возможным перемещение в пространстве.

Впрочем один раз я смог наладить с таксистом контакт. Мы ехали в центре города, и вдруг я увидел высоченное здание отеля с написанным по-английски названием "Тайпэй". Это в корне противоречило моим представлениям об исторически сложных взаимоотношениях Китайской Народной Республики с Тайванем. Показав на отель, я вопросительно сказал: "Гоминьдан"? Водитель пришёл в щенячий восторг. Он улыбался во все свои 18 зубов, задержавшихся во рту на случайных местах. Он кричал: "Гоминьдан! Гоминьдан!", и, оставив руль, хлопал себя по бокам. Я тоже был счастлив. А как же, наконец-то брошенное мной слово на китайском было не только понято, но и оценено по достоинству. Я решил закрепить успех, и закричал: "Чан Кай Ши"! И гордо взглянул на водителя. Улыбка сползла с его лица, он выпрямился на сиденьи и ухватился за баранку двумя руками. Он внимательно следил за дорогой и взгляд его был твёрд. По прошествии минуты он, не глядя на меня, произнёс: "Ноу Чан Кай Ши". И ещё раз добавил "Ноу", чтобы у меня иллюзий не осталось. Это была самая длинная речь на английском, когда-либо услышанная мною от пекинского

водителя такси.

Другими потенциальными собеседниками были официантки. По-видимому их долго тренировали перед играми. К столику в ресторане они подходили тройками, из которых одна официантка лучше других понимала по-английски, и то, что понимала, перетолмачивала двум остальным, а те уж приносили еду. В гостиничном ресторане главной по английскому была девица, которая в совершенстве освоила следующее. Если ты ей показывал на какое-то блюдо, прописанное в английском меню, она могла сопоставить его с китайским эквивалентом и запустить дальнейшую цепочку приготовления и подачи пищи. Отклонения от этого простого алгоритма давали сбои. Однажды, желая сэкономить время поиска, Спутница спросила официантку по-английски: "А есть ли у вас салат?" Слово "салат" вызвало у официантки какую-то реакцию. Она поставила мраморный пальчик на первое в списке блюдо из меню и вопросительно сказала: "Салат?" Мы замотали головами. Она повторила эту же процедуру со вторым, третьим и так далее номерами. Звучало это так: "Салат?" - "Ноу" - "Салат?" - "Ноу" - "Салат?" - "Ноу"... Стало ясно, что это нужно остановить, и Спутница сказала "Оставьте" - "Невермайнд". Пальчик официантки скакнул обратно в начало списка, она вопросительно чиркнула "Невермайнд?" - "Ноу" дружно ответили мы. То, что мы не остались голодными в этот вечер, - чистая случайность, хотя и пришлось силой отобрать у официантки меню после третьего "Невермайнд?"

Одним дождливым вечером, незадолго до конца поездки, мы заскочили в китайский ресторан. Посетителей почти не было. Играла негромкая музыка. С известным трудом заказав ужин, мы стали прислушиваться к мелодии, льющейся из динамика. Это была песня на английском, которую на открытии Олимпиады исполнили Сара Брайтман с местным певцом. Легко запоминающаяся, с простой приятной мелодией, она ласкала наш слух на протяжении всего времени пребывания в Пекине. Куда бы ты ни зашёл, везде она звучала. Очень скоро оказалось, что в ресторане запись этой песни была закольцована, и за бравурным финалом сразу следовал незатейливый зачин. После десятого раза я понял, что моя любовь к этой песне затухает, и в надежде её (любовь) спасти, я обратился к официантке. Она очень старалась меня понять, Я решил, что если я буду повторять "Музик" и "Чайниз", то они заменят песню на какую-нибудь китайскую музыку. Официантка изобразила полное понимание и надолго исчезла. За время её отсутствия мы ещё четыре раза прослушали любимую песню. Наконец она появилась и с довольным выражением лица всем видом показала, что сейчас мы услышим то, что просили. И действительно - заиграла песня на китайском. С удивлением официантка смотрела на наши вытянувшиеся лица. Это была та же песня с открытия Олимпиады, только исполняемая на китайском!

Когда мы подходили к выходу, я сказал: "Кажется у китайцев нет шансов выучить английский. Так и останутся параллельной цивилизацией." Неожиданно за спиной в темноте раздался протестующий надрывный кашель, перебиваемый бормотанием, в котором можно было расслышать отдельные слова, среди которых выделялись "Гоминьдан" и "Невермайнд". Я повернулся и зачем-то сфотографировал совершенно пустой зал.

На улице лило, как из ведра. Пришлось пережить, пока стихии успокоятся. Тонкие струи дождя ритмично плясали на плохо закреплённом жестяном навесе над входом, раскачивая его и издавая звуки, похожие на старушечий кашель.